

Печатается по решению Ученого совета философского
факультета Государственного университета – Высшая
школа экономики

Философия. Язык. Культура. Сборник материа-
лов научной конференции студентов, аспирантов и
молодых ученых (Москва, ГУ-ВШЭ, 10 марта 2010 г.)
– М., Практис, 2010. – 271 с.

ISBN 978-5-901574-82-9

Книга содержит материалы научной конференции студен-
ттов, аспирантов и молодых ученых «Философия. Язык.
Культура», проведенной в марте 2010 года факультетом фи-
лософии Государственного университета – Высшая школа
экономики. Работа конференции была посвящена выявле-
нию широких взаимосвязей языка и культуры, обсуждению
философских аспектов познания, коммуникации и понима-
ния, исследованию символического измерения бытия чело-
века и культуры.

ISBN 978-5-901574-82-9

© Коллектив авторов
© Издательская группа
"Практис", 2010

Содержание

Онтология, логика и теория познания

К. К. Мартынов

Существует ли язык описания сознания, от-
личный от бихевиоризма? 6

В. В. Долгоруков

Охота на Гавагая: онтологическая относитель-
ность, теория прототипов и каузальная теория
референции 17

В. В. Горбатов

Универсалистская парадигма и принцип ком-
позициональности 25

Ю. В. Горбатова

Алвин Плантина и Фома Аквинский о про-
стоте и более сложных свойствах Бога. 40

Т. В. Пащенко

О видах неологицизма 53

В. В. Селивёрстов

Теория предметов К. Твардовского в контексте
дискуссий в австрийской философии XIX века 65

Е. Г. Фень

К понятию интенциональности в феномено-
логии языка 76

Т. М. Рябушкина

Философия языка перед лицом картезианского
«призрака» 87

История философии

Н. И. Ищенко

Проблема языка в философии Х. Плеснера. 98

Н. А. Осминская

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОГО ПИСЬМА В «ДИССЕРТАЦИИ О КОМБИНАТОРНОМ ИСКУССТВЕ» (1666) ГОТФРИДА ВИЛЬГЕЛЬМА ЛЕЙБНИЦА

Проблема универсальной характеристики является одной из центральных в философии Готфрида Вильгельма Лейбница. В отечественной историко-философской науке широкую известность получили работы Лейбница по универсальной характеристики преимущественно зрелого периода (решающую роль здесь сыграли помещенные в собрании сочинений под ред. Г. Г. Майорова и А. В. Субботина переводы текстов, созданных после 1678 г. [3, 506–658]). Однако первые идеи универсальной характеристики были изложены уже молодым Лейбницем в ранней работе «Диссертация о комбинаторном искусстве» [6], где содержатся основополагающие проблемы его будущей философии: проблема связи метафизики и математики; проблема изобретательной логики; проблема универсальной характеристики.

«Диссертация о комбинаторном искусстве» вышла в свет в 1666 году в Лейпциге. Несмотря на то, что работать над проблематикой комбинаторного искусства Лейбниц никогда не прекращал (последняя запись, посвященная комбинаторике, датируется 1708 годом, то есть за восемь лет до смерти философа), изданная в 1666 году «Диссертация» является единственным текстом по комбинаторике, опубликованным им самим при жизни.

Проблеме универсальной полиграфии посвящен XI раздел главы «Применение задач I и II», где изложено основной философское содержание «Диссертации». Здесь Лейбниц определяет универсальное письмо как «такое, которое было бы понятно любому читателю, каким бы языком он ни вла-

дел» [6, 89–90]. Затем философ обращается к краткому изложению и критике известных ему предшествующих проектов универсального письма — арифметико-комбинаторной модели универсального языка «некоего испанца», полиграфии Афанасия Кирхера и «Характеров» Иоганна Иоахима Бехера.

В первую очередь Лейбниц обращается к полиграфии «некоего испанца», упоминаемого Каспаром Шоттом в книге «Занимательная техника» (*«Technica curiosa, sive mirabilia artis»*, 1664). Как показали современные исследования [7, 134–135], речь идет об испанском иезуите Педро Бермудо, ставившем целью своей миссионерской деятельности просвещение глухонемых. Предполагается, что и сам Бермудо был немым. В основу его арифметико-комбинаторной модели языка было положено деление всех понятий на 44 класса, где первый класс составляют элементы, второй — небеса и небесное, третий — умопостигаемое, и так далее, вплоть до различных синтаксических единиц — глаголов, предлогов и др. Эти классы обозначены римскими цифрами. Далее, каждый класс делился на подклассы, включавшие от 14 до 57 подчиненных понятий. Таким образом, в системе Бермудо было упорядочено 1200 слов, позволявших при помощи чисел записывать целые высказывания, например, текст «Символа веры».

После краткого изложения системы Бермудо Лейбниц упоминает полиграфию Афанасия Кирхера, которую, однако, в тот момент он не имел возможности рассматривать сдержантельно, поскольку эта работа еще не была опубликована. Кирхеровское «Великое искусство познания или комбинаторика» [5] вышло в свет в Амстердаме в 1669, то есть спустя три года после издания лейбницевской «Диссертации». Из более поздних источников известно, что, несмотря на хвалебное письмо, написанное Лейбницем Кирхеру в 1670 г., сочинение это вызвало у Лейбница только разочарование. В работе «Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения», относящейся, вероятно, к 1690-ым гг., Лейбниц писал, что в сочинении Кирхера, где он

ожидал найти «алфавит мышления», «лишь повторяются Пуллиевы или им подобные положения» и что «истинный анализ человеческих мыслей даже и не снился автору, как, впрочем, и другим, хотя бы они и размышляли о необходимости обновления философии» [2, 116].

Третьим в ряду своих предшественников Лейбниц называет Иоганна Иоахима Бехера, автора книги «Характер, об универсальной идее языков» (*Character, Pro Notitia Linguarum Universali*, 1661) ([6, п. 89–90]; см. Также [7, 182–195]). В основе проекта Бехера лежала идея упорядочивания и соотнесения однородных понятий разных языков и согласования их между собой. За основу Бехер взял латинский словарь, упорядоченный по алфавитному принципу. Каждому понятию из этого словаря был дан номер, записанный арабскими цифрами, так что номера с 1 по 9432 обозначали слова, номера с 1433 по 9714 – мужские и женские имена собственные, а номера с 9715 по 10283 – географические названия в алфавитном порядке (от «Аахен» до «Цюрих»). Понятия других языков (к примеру, древнегреческого, древнееврейского, а также языков арабской, славянской, романской и германской групп) также подлежали нумерации, однако уже не в сквозном алфавитном порядке, а по принципу их семантического соответствия языковым единицам латинского словаря. Таким образом, числовой шифр, для которого, кстати, Бехер придумал изощренную графическую систему записи, позволял быстро находить параллели между сходными понятиями из разных языков.

Ни проект Бермудо, ни проект Бехера, с точки зрения молодого Лейбница, не удовлетворяют требованиям универсального письма. После краткого описания этих систем философ указывает, что обе являются «непрактичными» по причине двусмысленности понятий и синонимов, несогласованности синтаксиса. Кроме того, Лейбниц замечает, что эти системы «вызывают постоянное раздражение (из-за того, что никто не может удержать в памяти такое количество чисел)» [6, 89–90].

Свою собственную модель универсального письма Лейбниц описывает следующим образом: «После того, как будут составлены таблицы или предикаменты нашей комбинаторики, проявляется самое важное. Ибо начальные понятия, из которых путем их сочетания возникают все остальные, могут быть помечены знаками, и эти знаки будут подобны алфавиту. Наиболее удобным будет, чтобы знаки эти выглядели как можно натуральнее; например, для обозначения единицы – точка, для числа – несколько точек, для отношений сущего к существу – линии, для изменения углов или понятий в линиях – различные виды отношений. Если это будет верно и умно составлено, то это универсальное письмо будет столь же простым, как и обычное; и его можно будет читать безо всякого словаря, и одновременно оно будет способствовать основополагающему познанию всех вещей. И, таким образом, каждый такое письменный знак будет состоять как бы из геометрических фигур, или картин, подобно египетским или современным китайским; только картины этих последних не сводятся к точному алфавиту или буквам, из-за чего и требуется неправдоподобное усилие памяти, в нашем же случае оно не нужно» [6, 89–90].

Самое существенное различие между универсальным письмом Бермудо и Бехера, с одной стороны, и полиграфией Лейбница, с другой, заключается в том, что Лейбниц полностью отказывается от апостериорного формирования алфавита, основанного на синтезе понятий уже существующих естественных языков. В основу его системы положена идея рационального языка, построенного на понятиях разума. Соответственно, создание универсального языка является, как и пишет Лейбниц, прямым продолжением его комбинаторного метода, основанного на принципе разложения всех возможных понятий на простые первоначальные истины.

Поскольку универсум, по Лейбничу, представляет собой гармоническую совокупность вещей, находящихся между собой в математически исчисляемых отношениях, то комбинаторика является для него универсальным методом, позво-

ляющим с формалистической точностью производить две основные операции познания – анализ и синтез. В первом случае задача комбинаторного искусства заключается том, чтобы разложить все сложные вещи и понятия на простые элементы, которые сами уже не поддаются дальнейшем разложению и могут быть поняты только через аналогию. Найденные таким образом первопринципы и будут представлять собой, по выражению Лейбница, «алфавит человеческих мыслей», редукция к которому позволяет достигнуть точного знания о вещах. Во втором случае, то есть на стадии синтеза, компетенция комбинаторики расширяется до придания ей статуса изобретательной логики – она призвана выявить все возможные новые комбинации первопринципов, найденных на стадии анализа, в результате чего будут получены новые, в том числе и производные истины.

По мысли Лейбница, комбинаторный метод приращения знания равно применим в самых различных областях знания, так что он оказывается пригоден для создания той самой «всеобщей науки», над проектами которой работали современники Лейбница – Эрхард Вейгель и Афанасий Кирхер. В главе «Применение Задач I и II», где сосредоточено основное философское содержание «Диссертации», Лейбниц обстоятельно аргументирует следующий тезис: подобно тому, как в геометрии Евклида действует закон первоначальных аксиом, так и во всем прочих науках должны быть установлены первопринципы, из которых путем комбинирования по определенным правилам выводились бы все прочие содержания. К примеру, юриспруденция «во всем похожа на геометрию, разве что в одном случае имеются элементы, в другом казусы. Простыми элементами в геометрии являются фигуры: треугольники, круги и пр. В Юриспруденции это – действия, обязательства, право продажи и пр. Казусами же являются их комплекции, и здесь и там они изменчивы до бесконечности» [6, п. 40]. Аналогичным образом комбинаторный метод применим, по мысли Лейбница, в медицине, натурфилософии, музыке, военном деле и стихосложении.

Сами первоначала, или «алфавит», к которым должны были сведены всех сложные понятия, изложены в той же самой главе «Применение задач I и II», где Лейбниц формулирует основные философские предпосылки и формы применения комбинаторного метода. Прообразом для Лейбница послужил «алфавит человеческих мыслей» средневекового философа Раймонда Луллия (1235–1315). В истории европейской философии Луллий был первым мыслителем, предпринявшим попытку свести все разнообразие человеческих знаний к определенному числу начальных истин, а все прочие истины вывести из начальных путем простого комбинирования²³. Для этого Луллий составил своего рода таблицу категорий, разделенную на шесть классов. Согласно схеме Луллия, первый класс образуют девять абсолютных атрибутов Бога: Bonitas, Magnitudo, Duratio, Potentia, Sapientia, Voluntas, Virtus, Veritas, Gloria; во второй класс входят девять относительных атрибутов Differentia, Concordantia, Confarietas, Principium, Medium, Finis, Majoritas, Aequalitas, Minoritas. Остальные классы составляют, соответственно: девять вопросов (Utrum, Quid, Quare, Quomodo, Ex quo, Quantum, Quale, Ubi, Quando), девять субъектов (Deus, Angelus, Coelum, Homo, Imaginativa, Sensitiva, Vigitativa, Elementativa, Instrumentativa), девять добродетелей (Justitia, Prudentia, Fortitudo, Temperantia, Fides, Spes, Charitas, Patientia, Pietas) и девять грехов (Avaritia, Gula, Luxuria, Superbia, Acedia, Invidia, Ira, Mendacium, Inconstantia). Комбинация перечисленных первоначальных терминов должна была, по мысли Луллия, обеспечить нахождение всех возможных производных истин, например, определений ангела, человека, мира, пространства и пр. Для того, чтобы осуществить эти комбинации на практике, Луллий даже изобрел специальное механическое приспособление – шесть концентрических дисков

²³ О комбинаторике Раймона Луллия и ее влиянии на комбинаторный метод Лейбница см.: Couturat, L. La Logique de Leibniz, Paris 1901; Doucet-Rosenstein, D. Die Kombinatorik als Methode der Wissenschaften bei Raimund Lull und G.W.Leibniz. Diss, München, 1981.

разного диаметра, соединенные друг с другом и вращающиеся вокруг общей оси. На каждый из дисков Луллий нанес по девять терминов соответствующего класса, так что для того, чтобы получить все возможные комбинации, достаточно было привести диски в движение и расположить шесть терминов различных классов вдоль одного радиуса.

Подхватывая общую идею комбинаторики, как ее сформулировал Луллий, Лейбниц тем не менее счел необходимым осуществить философскую ревизию изобретенной Луллием комбинаторной машины. В «великом искусстве» Луллия он не мог принять два изначальных допущения: во-первых, то, какие именно понятия были выбраны Луллием в качестве основополагающих и элементарных, а во-вторых, их количество, ради симметрии искусственно ограниченное девятью элементами в каждом классе. Кроме того, Лейбниц отпирает необходимость обоснования некоторых групп, например, класса вопросов, которые, по его мнению, просто дублируют атрибуты, а также класса добродетелей и грехов, которые очевидно не являются элементарными и всеобщими понятиями. Эти замечания позволяют двадцатилетнему Лейбничу сделать вывод, что метод Луллия «скорее подходит для того, чтобы говорить о вещах, чем для достижения полноценного знания о них» [6, 55–59].

Сущность лейбницевского метода заключалась в следующем. Все понятия делятся на классы. В первый класс входят простые понятия, схватываемые либо через определения, либо через аналогию. Согласно Лейбничу, этот класс составляют «не только вещи, но также состояния (*modi*) и отношения (*respectus*)» [6, 64–71]. Лейбниц приводит перечень этих понятий: 1) точка, 2) пространство, 3) между положенное, 4) рядоположенное или соприкасающееся; 5) удаленное или находящееся на расстоянии, 6) граница или то, что разделяет 7) внутри положенное; 8) заключенное в... (например, центр расположен внутри круга, заключен в окружность) 9) часть; 10) целое; 11) то же самое; 12) различное 13) единое 14) число, 15) многое, например, 1.2.3.4.5 и т.д.; 16) расстояние; 17) возможное; 18) каждое; 19) данное 20) происходит 21) направление

22) протяжение 23) длина 24) ширина 25) глубина 26) общее 27) последовательное или непрерывное» [6, п. 88]. Во второй класс входят понятия, полученные в результате комбинаций двух понятий первого класса [6, п. 88]. Третий класс составляют понятия, полученные в результате комбинаций трех понятий (Лейбниц называет это контернацией) первого класса, и так далее.

Элементарные понятия, по мысли Лейбница, должны быть «помечены определенными знаками или, что лучше, пронумерованы» [6, 88]. Однако в уже цитированном выше разделе «Об универсальной полиграфии» Лейбниц ограничивается упоминанием только графической формы записи: «...наиболее удобным будет, чтобы эти знаки выглядели как можно естественнее; например, для обозначения единицы – точка, для числа – несколько точек, для отношений сущего к сущему – линии, для изменения углов или понятий в линиях – различные виды отношений» [6, 90]. Молодой Лейбниц, следовательно, считал возможным создание таких форм записи, которые бы наглядно отражали структуру обозначаемых ими понятий. Но как именно должен выглядеть этот алфавит, Лейбниц не поясняет ни в «Диссертации», ни в более поздних работах.

Впоследствии Лейбниц обращался к проблеме универсальной характеристики на протяжении всей жизни и считал ее одной из главных задач своей философии. В недатированном наброске «К истории универсальной характеристики», предположительно относящемся к 1690-м гг., он писал, что необходимо, «чтобы была установлена «характеристика», которую я разрабатываю, поскольку она оказывается достаточной для грамматики столь удивительного языка и для словаря, способного охватить большинство встречающихся терминов, или, что тоже самое, чтобы были получены характеристические числа всех идей» [1, 416]. При этом Лейбниц одновременно разрабатывал и различные варианты этой грамматики, и различные формы записи первичных понятий. Так, в конце 1670-х гг. он создал проект на основе бук-

венного обозначения числовой характеристики понятия²⁴. Параллельно с работой над рациональной, то есть априорно сформированной грамматикой философского языка Лейбниц обращается и к ее альтернативе — к проектам на основе обновленной упрощенной латыни и свода живых языков [4, 35]. В этом случае он считал возможным использовать обозначения наподобие китайских.

Следует отметить, что в контексте новоевропейского рационализма обсуждение проблемы создания универсального письма было инициировано до Лейбница еще Мерсенном и Декартом. Последний, в частности, писал об этом в одном из писем от 20 ноября 1629 г. (ныне известно, что Лейбниц познакомился с копией этого письма в 1678 г.) Однако Декарт выдвинул тезис, согласно которому создание универсального языка возможно лишь после создания новой рационалистической метафизики ([4, 28]; ср. также: [7, 245]). Лейбниц же, в отличие от Декарта, полагал возможным создание такого языка вне зависимости от успехов метафизики. Согласно Лейбничу, до того, как будут установлены основоположения новой философии, может быть создан промежуточный «вспомогательный язык», который и будет служить инструментом познания: «Несмотря на то, что этот язык зависит от истинной философии, он, однако, не зависит от ее законченности. Иначе говоря, язык этот может быть создан, пусть даже философия еще не совершенна: и по мере того, как эта людская наука будет расти, будет возрастать и этот язык» ([4, 28]). Именно в этом контексте следует рассматривать упомянутые выше лейбницевские проекты универсального языка на основе логического анализа естественных языков. Впрочем, детальное рассмотрение этих проектов, относящихся к более позднему периоду творчества Лейбница, уже выходит за рамки данного краткого очерка.

²⁴ Например, в работе «Правила, по которым можно с помощью чисел судить о правильности выводов, о формах и модусах категорических силлогизмов» [3, 538–546].

Литература:

1. Лейбниц Г. В. История идеи универсальной характеристики // Соч. в 4 тт., Т. 4.
2. Лейбниц Г. В. Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения // Соч. в 4-х тт., Т. 3.
3. Лейбниц Г. В. Соч. в 4-х тт., Т. 3. М: Мысль, 1984.
4. Coutura L. Opuscules et fragment inédites de Leibniz. Paris, 1903.
5. Kircher A. Ars magna sciendi sive combinatoria. Amsterdam, 1669.
6. Leibniz G. W. De arte combinatoria // Sämtliche Schriften und Briefe. Hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akad. d. Wiss. zu Berlin u. d. Akad. d. Wiss. in Goettingen. VI Band, Berlin, 1966.
7. Strasser G. Lingua Universalis. Kryptologie und Theorie der Universalsprachen im 16. und 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 1988.

Сведения об авторе: Осминская Наталия Александровна, факультет философии ГУ-ВШЭ, аспирантка.